

ловѣчества, — тѣмъ ближе поэма должна подходить къ идеалу эпоса. Такъ смотрѣли на эпическую поэму всѣ образованные люди со временемъ, упадка древне-греческой національности и возникновенія александрійской школы почти до начала XIX столѣтія, слѣдовательно, болѣе двухъ тысячъ лѣтъ. А отчего произошло такое понятіе объ эпосѣ? — отъ того, что у грековъ была «Иліада» и «Одиссея», — больше не отъ чего. Причина довольно забавная, но тѣмъ не менѣе понятная, ибо таково всегда вліяніе народа, имѣющаго всемірно-историческое значеніе, на всѣ другіе народы: они подражаютъ ему рабски во всемъ, начиная отъ искусства до покроя платья. У грековъ была «Иліада», которая нѣкоторымъ образомъ служила имъ книгой откровенія, изъ которой вытекала вся ихъ позднѣйшая поэзія и которую читали не одни ученые, но зналъ наизусть каждый эллинъ, понимавшій сколько-нибудь достоинство и счастье быть эллиномъ. Стало быть, почему же не имѣть такой поэмы, напримѣръ, и римлянамъ? Но какъ же бы это сдѣлать, если такой поэмы у римлянъ не явилось въ полусторическую эпоху ихъ политическаго существованія? — Очень просто: если ея не создалъ духъ и гений народа, — ее долженъ создать какой-нибудь записной поэтъ. Для этого ему стоитъ только подражать «Иліадѣ». Въ ней воспѣто важнѣйшее событіе изъ традиціонной исторіи грековъ — взятіе Трои: стало-быть, надо порыться въ лѣтописяхъ своего отечества, чтобы поискать такого же. Да вотъ чего же лучше — основаніе Латинскаго государства въ Италіи черезъ мнимое пришествіе Энея въ Италію. Въ подробностяхъ тоже остается только копировать «Иліаду» и «Одиссею» съ небольшими перемѣнами, какъ, напримѣръ Гомеръ начинаетъ свою поэму: «Муза, воспой» и пр., а вы начните просто, отъ себя: «пою-де такого-то мужа», и пр. Если же могла быть у римлянъ эпопея, такимъ легкимъ образомъ сочиненная, то почему же бы не могла она быть и у всѣхъ новѣйшихъ народовъ? И вотъ у итальянцевъ явился «Освобожденный Иерусалимъ», у англичанъ — «Потерянный Рай», у испанцевъ — «Араукана», у португальцевъ — „Lusiades“ («Лузитане»?), у французовъ — «Генриада», у нѣмцевъ — «Мессіада», у насъ, русскихъ, недоконченная «Петриада», да еще (если упомянуть ради смѣха) пресловутыя, стопудовыя «Россиада» и «Владиміръ». Происхожденіе всѣхъ этихъ поэмъ такъ же незаконно, какъ и образца ихъ «Энеиды». Она явилась вслѣдствіе «Иліады»; но въ «Иліадѣ» была столько же непосредственнымъ созданіемъ цѣлаго народа, сколько и преднамѣреннымъ, сознательнымъ произведеніемъ Гомера. Мы считаемъ за рѣшительно несправедливое мнѣніе,

будто бы «Иліада» есть не что иное, какъ сводъ народныхъ расцодовъ: этому слишкомъ рѣзко противорѣчитъ ея строгое единство и художественная выдержанность. Но въ то же время нельзя сомнѣваться, чтобы Гомеръ не воспользовался болѣе или менѣе готовыми матеріалами, чтобы воздвигнуть изъ нихъ вѣковѣчный памятникъ эллинской жизни и эллинскому искусству. Его художественный гений былъ плавильной печью, черезъ которую грубая руда народныхъ преданій и поэтическихъ пѣсень и отрывковъ вышла чистымъ золотомъ. Гомеръ написалъ объ свои поэмы черезъ 200 лѣтъ послѣ совершенія воспѣтыхъ въ нихъ событій, а событія эти совершались почти за 1200 лѣтъ до Р. Х., слѣдовательно, во времена мифическія, да и самъ Гомеръ жилъ въ эпоху до-историческую, отсюда и происходитъ дѣвственная наивность его поэмъ, вслѣдствіе которой и доселѣ описанный имъ міръ, несмотря на его чудесность, носить на себѣ печать дѣйствительности. При томъ же «Одиссея» послѣ «Иліады» ясно доказываетъ невозможность въ одномъ произведеніи исчерпать всю жизнь народа, и потому сторона героизма и доблести выражена въ «Иліадѣ», а гражданская мудрость — въ «Одиссее». «Энеида» написана, напротивъ, во времена перерѣзости и паденія народа; она есть произведеніе одного человека, безъ всякаго участія народа, и почти безъ помощи поэтическихъ преданій. Какая же это эпопея въ родѣ «Иліады» и что у ней общаго съ «Иліадой»? Это просто — старческое произведеніе, которое случилось показаться младенческимъ. И при томъ паеосъ римской жизни былъ совсѣмъ другой, чѣмъ паеосъ греческой; слѣдовательно, Эней — ложно-римскій герой. Настоящій герой римскій это — даже не Юлій Цезарь, а развѣ братья Гракхи; настоящій же эпосъ римскій — это кодексъ Юстиніана, оказавшаго римлянамъ услугу въ родѣ той, которую Пизистратъ оказалъ грекамъ, собравъ во-едино отрывки Гомеровыхъ поэмъ. Несмотря на то, что герой «Энеиды» носитъ названіе благочестиваго (pius), а ея творецъ — дѣвственнаго (Virgilius), эта поэма явилась во времена упадка нравственности, во времена всеобщаго національнаго разврата, когда древняя правда и доблесть римская погибли навсегда, когда литература жила не гениемъ народнымъ, а покровительствомъ Мецената, когда Горацийъ въ прекрасныхъ стихахъ воспѣвалъ эгоизмъ, малодушіе, низость чувствъ. И хотя никакъ нельзя отрицать многихъ важныхъ достоинствъ въ «Энеидѣ», написанной прекрасными стихами и заключающей въ себѣ многія драгоцѣнныя черты издыхавшаго древняго міра, — тѣмъ не менѣе эти достоинства относятся просто къ памя-